
ФИКТИВНАЯ
ЖЕНА ОРКА
ЭЛИССА ТИР

Элисса Тир

Фиктивная жена орка

«Литнет»
2026

Тир Э.

Фиктивная жена орка / Э. Тир — «Литнет», 2026

ОДНОТОМНИК Я так долго ждала его возвращения, но он не поверил, что я беременна от него! Семья от меня отвернулась, в деревне кличут блудницей, а любимый называет падшей. И что мне оставалось делать? Куда идти и на что кормить ребенка? Поэтому я согласилась стать фиктивной женой орка, ведь мне никто больше не соглашался помочь. Большой, опасный, но заботливый орк Трудности, через которые герои пройдут вместе Беременная героиня СчастливыйфиналЕще орки от меня:

© Тир Э., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой 5
Глава 2. Тот вечер 6
Глава 3. Позор 8
Глава 4. Чужак в повозке 11
Глава 5. Ярмарка чужаков 13
Глава 6. Разговор с орком 16
Глава 7. Условия 18
Глава 8. Важный разговор 20
Глава 9. Прощание 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Глава 1. Чужой

– Это не мой ребенок.

Я слышала его голос, но не узнавала его. Словно не Дарьян стоял передо мной в сером плаще в дорожной пыли, а чужой, холодный мужчина с глазами цвета зимнего неба. В этих глазах я когда-то утонула. Но сейчас они смотрели на меня с ледяным спокойствием.

– Что? – выдохнула я, и мой голос дрогнул.

– Ты слышала, Нина. Ребенок, которого ты носишь, не от меня.

Он сказал это так буднично, так ровно, словно объяснял, что зима сменит осень. Я прижала ладони к животу. Там уже четыре месяца рос наш ребенок. Каждую ночь я шептала имя Дарьяна, которого ждала так долго.

– Дарьян. – Я сделала шаг вперед, но он не двинулся навстречу. – Как ты можешь такое говорить? Я любила тебя. Я ждала тебя. Я была верна тебе каждую проклятую ночь, пока ты был там, в своем княжьем отряде!

– Любила? – В его голосе проскользнуло что-то похожее на усмешку, и это больнее любого удара. – Нина, между нами было всего ничего. Один раз. Одна ночь. И в ту ночь ты не могла забеременеть.

Мир вокруг пошел рябью. Я стояла у старой конюшни, где пахло сеном и прелой листвой, а внутри меня целая вселенная рушилась.

– Не могла? – переспросила я, и пальцы сами сжали ткань платья. – Откуда ты можешь знать, что я могла, а что нет?

– Потому что меня не было здесь четыре месяца, Нина. Четыре. – Он поднял руку и стал загибать пальцы. – А в тот раз… – он замолк, и вдруг его лицо ожесточилось. – В тот раз я принял меры. Я не хотел, чтобы ты ждала меня с бременем.

Земля ушла из-под ног. Я знала, что он врет. Ведь помнила все, что было между нами. Я открыла рот, но слов не нашлось. Только воспоминания, горячие и липкие, накрыли меня с головой.

Глава 2. Тот вечер

Была середина марта. Месяц выдался теплый, но меня это не радовало. Я сидела на завалинке у дома и плакала. Весть о том, что князь собирает отряд и Дарьяна забирают на службу, разбила мне сердце раньше, чем он сам успел сказать хоть слово. Мы были просто соседями, просто знакомыми, просто людьми, которые украдкой смотрели в одну сторону. Но в глубине души я надеялась, что он однажды посмотрит на меня с тем же обожанием, что и я на него.

– Нина? – Его голос застал меня врасплох. Он вышел из-за угла с охапкой дров для бани, но остановился, заметив мои слезы. – Что случилось?

Я вытерла щеки рукавом, но разве это помогло? Слезы текли сами.

– Слышала, что тебя забирают, – прошептала я, – в отряд князя.

Он помолчал. А потом бросил свою охапку наземь, перелез через забор на наш участок и подошел. Он сел рядом. Так близко, что я чувствовала запах хвои, идущий от его рубахи.

– Нина, – сказал он тихо. – Ты чего плачешь-то? Вернусь я.

– А если нет? – всхлипнула я. – Если убьют тебя в первом же бою? Если… если…

Он взял меня за руку. Его ладонь была шершавой, мозолистой, но такой теплой. Я посмотрела на него сквозь слезы и увидела, как его лицо стало серьезным.

– Посмотри на меня, – велел он, и я послушалась. – Я вернусь. Слышишь? Я даю тебе слово. И когда вернусь, пойду к твоему отцу свататься. Я давно уже собирался, просто… – Он усмехнулся. – Все не решался сказать.

Сердце мое тогда сделало кульбит. Я любила его давно, тайно, боясь признаться даже себе. Неужели наши чувства взаимны?

– Правда? – прошептала я.

– Правда, – ответил он и улыбнулся. И я начала таять. – Жди меня, Нина.

А потом он поцеловал меня. И все поплыло: небо над головой, и ветер вдруг стал обжигающим, и мое обещание ждать его хоть вечность проскользнуло между нами. Тот вечер кончился тем, что мы оказались в бане вместе. Я отдала ему себя всю, без остатка, потому что верила: он вернется. И он сказал, что женится.

И моя жизнь стала бы прекрасной. Мечта воплотилась бы в реальность.

И вот он вернулся, но сказки не случилось.

– Дарьян, – теперь мой голос дрожал, но я пыталась взять себя в руки. – Ты клялся мне. Ты обещал. Ты сказал, что любишь меня.

– Я ошибся, – отрезал он. И в этом коротком слове, на меня обрушилась вся жестокость мира. – Нина, я не знаю, от кого ты понесла, но не от меня. В тот вечер я все сделал правильно. Это невозможно.

– Но это был только ты! – закричала я. Несколько деревенских, что работали на конюшне, обернулись на нас. – Клянусь всеми богами, Дарьян, я ни с кем больше! Как ты можешь? Как ты можешь отрицать собственного ребенка?

Он молчал. Просто смотрел на меня сверху вниз. Высокий, чужой, с этой княжьей выправкой, которой раньше не было. И вдруг я поняла: его не было четыре месяца. А я на четвертом месяце. Он вновь считал. Все же не верил мне. Думал, что я намеренно его обманываю.

– В тот раз… – начал он, но я перебила.

– Тот раз был ровно за день до твоего ухода. Я помню каждую минуту того вечера. Неужели ты думаешь, я могла быть с кем-то еще через день после того, как ты уехал?

– Не знаю, Нина. – Он пожал плечами, и этот равнодушный жест добил меня окончательно. – Люди меняются. Я вот изменился за это время.

Я это видела.

Он ушел. Просто развернулся и пошел прочь, хрустя новыми сапогами по веткам, что лежали на тропе. Я смотрела ему вслед и чувствовала тошноту. То ли от беременности, то ли от неожиданного предательства.

А ведь я еще не сказала родителям.

Мать уже трижды за эту неделю заметила, что я «поправилась». Сначала она шутила: «Что это ты, Нина, как купеческая дочка?» Потом хмурилась, глядя, как я отказываюсь от корсета. А вчера она зашла в мою комнату, когда я переодевалась, и замерла, глядя на мой округлившийся живот.

– Нина, – спросила она тогда напряженным голосом. – Что с тобой?

Я солгала. Сказала, что просто объелась пирогов. Она не поверила. Я видела это по ее глазам. Но промолчала. Я верила, что Дарьян вернется и моя жизнь наладится. Что мы будем вместе. Что станем семьей.

А теперь Дарьян все отрицал. Я с его ребенком под сердцем понимала, что сказать правду родителям придется уже сегодня. Потому что завтра может быть поздно. Потому что мой живот уже не скрыть, а мать не дура.

Но что я скажу им? Что отец моего ребенка – тот, кого я любила больше жизни, – назвал меня лгуньей?

Я провела ладонью по животу. Малыш. Наш малыш.

– Он вернется, – прошептала я, но сама не поверила своим словам. – Он передумает.

Вдалеке хлопнула калитка. Я подняла голову и увидела мать. Она стояла на пороге нашего дома, сложив руки на груди, и смотрела прямо на мой живот.

– Нина, – позвала она, и в ее голосе не было вопроса. Только требование правды. – Зайди в дом. Нам нужно поговорить.

И я пошла, потому что прятаться больше нет смысла. Моя жизнь кончилась. Если только не случится чудо.

___

Как думаете, то случится?

Глава 3. Позор

Мать ждала меня в горнице. Свечи еще не зажигали, и серый вечерний свет делал ее лицо похожим на маску: ни гнева, ни жалости, только каменное спокойствие, которое страшило больше любых криков.

– Сядь, – велела она, кивнув на лавку.

Я села. Руки я сложила на животе, прикрывая его, словно это могло что-то изменить. Мать стояла напротив, скрестив руки на груди, и смотрела так пристально, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

– Я ждала, что ты сама скажешь, – начала она тихо. – Думала, у тебя хватит совести. Ты моя дочь, Нина. Я носила тебя под сердцем, я кормила тебя грудью, я учила тебя уму-разуму. И что в итоге?

– Мама…

– Не перебивай! – Голос матери сорвался на крик, и я вздрогнула. – Сколько месяцев? Отвечай.

– Четыре, – прошептала я.

– Четыре! – Она всплеснула руками. – Четыре месяца ты носишь под сердцем дитя, а родители ничего не знают! Ты понимаешь, какой позор ты на нас навлечешь? Что люди скажут? Что ты гуляла непонятно с кем?

– Это не «непонятно с кем»! – воскликнула я, вскакивая. – Это Дарьян! Мы любили друг друга, он обещал жениться!

– Дарьян? Обещал? – Мать горько рассмеялась. – И где же твой жених, Нина? Где кольцо на пальце? Где сваты? Я видела, как он развернулся и ушел от тебя. Весь день сегодня судачат, что Дарьян вернулся. Но что-то он не пришел свататься, а вот ты бегаешь за ним, как полоумная. И что-то радости на его лице я не увидела от новостей, которые ты так старательно скрывала от нас.

– Он просто испугался, – выдавила я, хотя сама уже не верила в это. – Он одумается.

– Одумается? – Мать подошла ко мне вплотную. Ее глаза блестели то ли от гнева, то ли от слез. – Девочка моя глупая. Мужчины, которые отрекаются от своих детей, не одумываются. Они трусы. А ты теперь будешь одна пожинать плоды своей глупости.

Я опустила голову. Слезы катились по щекам, и я не могла их остановить.

– Я думала, он меня любит, – прошептала я. – Он говорил… он клялся…

– Мало ли кто что говорит! – Мать вздохнула, и вдруг ее голос стал усталым, почти безжизненным. – Назад сделанного не воротишь. Теперь нужно думать, что делать дальше. Отец скоро вернется. Ты знаешь его характер.

Я знала. Отец был крут нравом, но справедлив. По крайней мере, мне так всегда казалось.

– Я все объясню ему, – сказала я, вытирая слезы. – Он поймет.

Мать посмотрела на меня с такой жалостью, что у меня дрогнуло сердце.

– Ох надеюсь, – сказала она с тяжелым вздохом.

Вечер тянулся бесконечно. Я помогла матери по хозяйству, но делала все машинально, словно не здесь, не в своем теле. Мы не разговаривали. Только тишина, тяжелая и липкая, стояла между нами.

Мать несколько раз подходила к окну, выглядывая на дорогу. Отец задерживался. Обычно он возвращался из кузницы засветло, но сегодня, видно, работы было много. Или кто-то из соседей перехватил его, чтобы поболтать.

Я боялась этого. Боялась, что отец узнает все не от меня, а от чужих людей. Потому что тогда он воспримет это как предательство. Как удар в спину.

– Иди спать, – сказала мать. – Нечего тебе ему на глаза попадаться.

– Нет. – Я покачала головой. – Я должна сама сказать ему.

Мать ничего не ответила. Только покачала головой и ушла в свою комнату.

Я осталась одна в горнице. Свеча догорала, отбрасывая пляшущие тени на стены. Я сидела на лавке, прижимая руки к животу, и шептала:

– Прости меня, малыш. Прости, что отец твой струсил. Но я справлюсь. Я сделаю все, что понадобиться ради тебя.

На улице залаяла собака. А потом я услышала тяжелые шаги отца.

Дверь распахнулась с протяжным скрипом и громко ударила о стену. Я вздрогнула. Отец стоял на пороге. Широкоплечий, с черными от работы руками, с суровым лицом. Он покраснел, словно от гнева. Таким я видела его всего однажды: когда его обокрали.

– Папа… – начала я, вставая.

– Молчать! – рявкнул он. – Я все знаю. Все! Мужики на конюшне языками чесали, не стеснялись. Вся деревня знает, что моя дочь – шлюха!

– Я не шлюха! – закричала я в ответ. – Я любила Дарьяна, и он обещал…

– А где он теперь?! – Отец шагнул ко мне, и я отшатнулась к стене. – Где твой любимый, а?! Я за ним завтра пойду. Я ему голову сверну! Но это не снимет позора с нашего дома! Ты опозорила меня, Нина. Опозорила всю нашу семью!

– Папа, пожалуйста… – Я упала на колени. – Прости меня. Я не хотела. Я правда верила…

– Верила! – Он расхохотался, но смех был страшнее крика. – Дура ты, а не дочь. Доверилась раздолбаю, раздвинула ноги, а теперь ходишь пузатая и позоришь отца!

Я зарыдала:

– Я любила его! Мы росли вместе, я знаю его всю свою жизнь, он хороший! Я ждала его, я надеялась…

– А надо было дома сидеть! – Отец схватил меня за плечо и рывком поставил на ноги. – Надо было слушать мать! А раз ты решила, что самая умная, то вон из моего дома.

Сердце остановилось.

– Что? – прошептала я.

– Вон, говорю! – Он указал на дверь. – Убирайся. Не хочу видеть тебя, боюсь, пришибу. Грех на душу брать не хочу

– Папа, но куда я пойду? – Я посмотрела на него, надеясь увидеть хоть каплю жалости. Но в его глазах была только злость. – На улице ночь. Мне некуда идти.

– А я не знаю, куда тебе идти! – Он развернулся и ударил кулаком по косяку так, что дерево затрещало. – Вот и иди к своему женишку.

Из своей комнаты вышла мать. Она посмотрела на отца, потом на меня. Ее лицо было белым, как полотно.

– Опомнись. Она же дочь наша. Куда она пойдет ночью? – тихо сказала она.

– А мне плевать! – заорал отец. – И ты молчи! Ты ее воспитала, ты и отвечаешь за нее. Если бы не твоя мягкотелость, сидела бы девицей до свадьбы, а не брюхатой шлялась по деревне!

Мать замолчала. Опустила глаза. И я поняла, что она не заступится. Потому что отец в доме голова, и перечить ему нельзя.

– Я уйду, – сказала я тихо. – Не надо ссориться.

Я вышла в сени. Накинула старый материн теплый, хоть и дырявый плащ. Обулась наспех. Взяла с полки краюху хлеба, которую мать испекла утром.

Отец ждал, его глаза горели гневом. Мать стояла в дверях горницы и плакала, но не сказала ни слова.

Я вышла во двор. Ночь была теплой. Повезло. Звезды горели ярко, но мне казалось, что они смеются надо мной.

Сарай – единственное место, где можно было укрыться. Я толкнула скрипучую дверь, вошла в темноту, пахнущую сухой травой. Нашла в углу сено, сгребла его в кучу, села.

Хлеб я положила рядом. Есть пока не хотелось. Внутри все сжалось в тугой комок.

– Ничего, малыш, – прошептала я, поглаживая живот. – Мы справимся. Это временно. Отец остынет и позовет назад. Он же не зверь. Он просто вспыльчивый.

Но в глубине души я не верила своим словам. Отец гордый. И если он сказал «вон», то назад позовет не скоро. А может, и не позовет вовсе.

Я закрыла глаза и попыталась уснуть. Но сон не шел. Я лежала в сарае, смотрела на щели в крыше, где мерцали звезды, и думала о том, что моя жизнь, которую я так красиво распланировала (Дарьян, свадьба, дом, дети) рассыпалась в один миг.

Остались только я и ребенок. И надежда, что отец образумится.

Глава 4. Чужак в повозке

Прошла неделя. Семь долгих, как вечность, дней.

Я научилась просыпаться затемно, когда небо ещё сизое. В сарае по утрам прохладно даже в середине лета, даже когда днём воздух стоит как кисель. Я натягивала дырявый материн плащ, прятала под него живот и выскальзывала во двор, стараясь не скрипнуть дверью.

Если бы отец застал меня в сарае, то выгнал бы и оттуда. Я не сомневалась.

Дни я проводила в деревне. Но не как раньше с подругами, с песнями, с венками из ромашек. Теперь я была для всех чужой. Прокажённой. Позорной.

Я обходила дворы, стучалась в калитки, предлагала любую работу: полы помыть, бельё постирать, огород прополоть, скотину убрать. Мне не нужно было платы, только еда. Кусок хлеба. Миска похлёбки. Мать меня подкармливала, но я переживала, что отец это заметит и еды резко не станет. Поэтому искала способ достать ту самостоятельно. С утра уходила в лес, а после обеда искала способ раздобыть работу в деревне. Сейчас я еще могла прятаться в сарае, но если отец заметит, то и крыши над головой я лишусь.

Но люди отворачивались.

– Не надо нам таких, – бросали мне в лицо и захлопывали дверь.

– Сама виновата, нечего отца позорить, коли замуж не берут.

– Ступай к своему Дарьяну или кто там отец твоего ребенка, пусть кормит.

Дарьян… О нём я старалась не думать. Но слухи ползли по деревне, как змеи. Его видели каждый вечер в кабаке. Он пил с бывшими сослуживцами, кидался медяками, громко смеялся и обнимал девок, которые раньше на него и не смотрели. Теперь они вились вокруг него. У него водились деньги, которые он охотно тратил, и истории со службы, за которые его уважали. И ему было плевать, что где-то в сарае ночует беременная от него девушка.

– Видели твоего женишка! – крикнул мне как-то Кузьма, сын кожевника, когда я шла по улице. Он сидел на заборе с приятелями. – Он теперь с Варей за стойкой обжимается. Хороша парочка!

Я опустила голову и пошла быстрее. Вслед мне летели камни от детей. Небольшие. Может, для смеха. Но один попал в спину, и я вскрикнула.

– Не ной, брюхатая! – заржал ребенок и рассмеялся.

Дети бежали за мной следом и дразнились:

– Нина – блудница, Нине в дом не войти, Нинин ребёнок без отца будет жи-и-ть!

Я зажимала уши руками, но их визг проникал сквозь пальцы.

Женщины постарше, встретив меня у колодца, замолкали и отворачивались. Только Меланья, старая знахарка, один раз сунула мне краюху хлеба, прошептав: «Держись, милая. Судьба не без милости». Но остальные будто поставили на мне клеймо.

Я искала работу, но никто не брал. Даже к княжескому приказчику на гумно. Там, бывало, брали всех, кому силы хватало. Но приказчик, глянув на мой небольшой живот, махнул рукой:

– С такой только возиться. Иди отсюда.

На исходе седьмого дня я сидела на околице, под старой ивой, и смотрела в поле. В руках у меня был последний кусок хлеба. Я отщипывала от него крошки и ела медленно-медленно, чтобы обмануть голод.

Солнце клонилось к закату. Скоро ночь. Снова сарай, холод, сено и страх, что отец проснётся раньше и застанет меня. Я боялась даже этого сарая лишиться. Потому что куда ещё мне пойти? Я всю неделю пыталась найти новый кров, но ничего не получалось. В лес? Там волки. В поле? Там роса вымочит до костей.

Сейчас середина лета. Еще тепло. Но я с ужасом думала о зиме. Когда придут морозы, когда снег завалит всё, где я буду с младенцем? В сарае? Мы замёрзнем насмерть. Никто не пустит к себе. Никто не пожалеет.

Может, уйти в другое селение? Туда, где меня не знают. Сказать, что я вдова, что мужа убили на княжеской службе. Может, пожалеют. Наймут в услужение. Дадут кров и кусок хлеба для ребёнка.

Я сжимала пальцами подол и раскачивалась взад-вперёд. Страшно. Одна, с животом, в чужих местах. Вдруг там ещё хуже? Вдруг не пустят? Вдруг побьют?

Но здесь оставаться – значит медленно умирать.

Я подняла глаза на дорогу, ведущую в деревню, и замерла. Что-то приближалось, и я напряженно всматривалась.

Пыль столбом. Грохот колёс. Лязг цепей.

Караван.

Я раньше такого не видела, только слышала от странников. Большие повозки. Кони огромные, лохмоногие, как у северян. И охрана. Они не люди, они зеленые.

Я напряглась. Орки в наших краях – редкость. Говорили, они ходят с караванами купцов, нанимаются за золото. Высоченные, плечистые, с клыками и жёлтыми глазами. Детей ими пугали. «Не будешь слушаться, орк придёт и заберёт тебя».

Я смотрела на процессию. Тяжёлые повозки, скрип, крики погонщиков. Четверо орков верхом на мохнатых лошадях, даже в седле они казались великанами. Я видела зелёную кожу, широкие челюсти.

Одна повозка поравнялась со мной. Окно в ней было прикрыто тканью, но ветер колыхнул край, и внутри я увидела фигуру. Тоже огромную. Кто-то сидел там, в полутьме, и смотрел наружу.

На меня.

Я не могла отвести взгляд. Он тоже не отводил. Жёлтые глаза, даже в сумерках горящие, как угли. Лицо широкое, с выступающими клыками. Но в этом лице не было той звериной тупости, о которой шептались бабы. Он смотрел осмысленно. Устало. И будто бы с любопытством.

Повозка проехала мимо. Караван двигался к деревне, оставляя за собой пыль и гул.

А я всё сидела под ивой, и сердце моё бешено колотилось.

Орк.

Он видел меня. А я его.

И отчего-то мне стало не страшно. Только холодок пробежал по спине от странного, неясного чувства. Словно что-то щёлкнуло в воздухе. Словно привычный мир дал трещину.

Я прижала ладонь к животу. Жизнь менялась стремительно, но может не все перемены к худшему?

Глава 5. Ярмарка чужаков

Караван не ушёл.

На следующее утро я выглянула из сарая и увидела их повозки на лугу за околицей. Их выстроили кругом. Близко к деревне, но не пугающе. Лохмоногие кони паслись на привязи. В воздухе пахло дымом и незнакомыми пряностями.

Орки сновали туда-сюда. Я насчитала десять, но могла и ошибиться. Я старалась не смотреть на них слишком долго, чтобы никто не заметил моего интереса.

Первые два дня я пряталась. Не ходила в лес: боялась наткнуться на орков. Вдруг они охотятся там? Вдруг им нужны люди? С детства меня пугали рассказами о зелёных дикарях, которые едят младенцев и пьют кровь девушек. Теперь, глядя на них, я понимала, что страшилки – это просто страшилки. Они вели себя обычно. Носили простую одежду, смеялись, заботились о лошадях. Все, как у людей.

Но я не доверяла своим чувствам, на всякий случай держалась подальше. Все же они чужаки.

Из-за того, что я перестала ходить в лес за грибами и ягодами, еды стало совсем мало. Мать иногда подсовывала мне краюху хлеба или варёное яйцо, когда отца не было рядом. Но она боялась. Я видела это по её глазам. Она металась между жалостью ко мне и страхом перед мужем. Я не винила её. В нашем доме слово отца – закон.

И, к сожалению, отец не просто не смягчался со временем, он ожесточался все больше. В последний раз когда мы случайно пересеклись в деревне, он шел с товарищем и, когда тот заметил меня, то отец плюнул мне под ноги, явно давая понять, что мою беременность он не одобряет.

Так я и поняла, что прощенья не дождусь. Все мои надежды, связанные с родителями, погасли. И на удивление, я не впала в отчаяние, наоборот, стала думать, что делать дальше.

На третий день двое орков пошли к старосте. Они были без оружия, смирные, даже кланялись на пороге. Я сидела за плетнём на задах своего участка и видела их через щель. Один из них старый орк с жёлтыми мудрыми глазами. Второй был пониже и все время двигался, словно не мог стоять на месте, но сдерживался. А его энергия пробивалась через микро-движения.

Они пробыли у старосты около часа. Потом ушли, и больше в тот день я их не видела.

На четвёртый день орки снова были у старосты. И на пятый. Я гадала, зачем они приехали. Может, хотят продать свои товары? Или нанять людей на работы? Или ищут что-то в наших краях?

Слухи по деревне ползли. Бабы шушукались у колодца, мужики хмуро поглядывали в сторону лагеря. Никто не знал правды, но все боялись.

– Говорят, они разбойники, – шепнула мне Меланья, когда я случайно встретила её у околицы. Она сунула мне в руки лепёшку. – Будь осторожна, дочка.

– А ещё говорят, – добавила она, оглядываясь, – что они к старосте приходят с предложением. Якобы хотят торговать. Но они же орки? Все знают, что золото орки себе добывают грабежом. Так что будь осторожна.

Я пожала плечами. Мне было не до того. Я думала о том, как прожить до зимы.

А еще через пару дней всё прояснилось.

Я шла по краю деревни, держась подальше от людных мест, и вдруг услышала грохот. Стук молотков. Гортанные, низкие голоса, но не злые.

Я осторожно выглянула из-за кустов.

Орки разворачивали ярмарку.

Прямо на поляне, где раньше пасли коров, появились грубо сколоченные прилавки. На них лежали ткани, каких я никогда не видела: шёлк с золотыми нитями, плотная шерсть с

узорами, меха – лисьи, беличьи, даже песцовые. Были и вещи поскромнее: глиняные горшки, ножи с резными рукоятями.

Орчихи раскладывали товар. Они были ниже мужчин, но тоже широкоплечие, с крепкими руками. Их лица показались мне почти красивыми.

Люди из деревни приходили неохотно. Я видела, как Кузьма с отцом остановились на краю поляны, подозрительно косясь. Несколько баб зашептались и ушли. Только двое-трое смельчаков подошли к прилавкам, но быстро ретировались, когда на них уставились жёлтые глаза.

Мне на ярмарке делать было нечего, но я понимала, что это мой шанс.

Если орки торгуют, значит, они не убивают людей. Если на прилавках товар, то и приехали они не воровать. Они могли бы силой отобрать деньги, если бы захотели. А если они дают работу…

Я пересилила страх и вышла из-за кустов.

Первой меня заметила толстая баба Авдотья. Злая на язык сплетница. Она стояла у своего плетня и смотрела на ярмарку с опаской, но, увидев меня, тут же прошипела:

– Идиотка! Туда же прётся! Ещё и брюхо своё покажет. Срамница.

Я сделала вид, что не слышу. Шаг, другой, третий, и вот я уже на опушке. В лицо пахнуло жареной бараниной и травами. У одного из прилавков орчиха в фартуке резала мясо огромным ножом. Увидев меня, она улыбнулась или оскалилась, но доброжелательно.

– Здравствуй, – сказала она. – Что ищешь?

Я растерялась. Оглянулась на деревню. На меня уже смотрели. Соседи перешёптывались. Кто-то показывал пальцем.

– Я просто посмотреть, – выдавила я. – Никогда не видела такого.

– Смотри, – кивнула орчиха. – Не бойся. Мы не кусаемся.

Её голос был низким, но тёплым. Я вдруг почувствовала, что страх уходит. Или просто отчаяние пересилило всё остальное.

Я подошла ближе. На прилавке лежали тёплые платки. Мягкие и пушистые. Я погладила один рукой. Орчиха, заметив мой взгляд, сказала:

– Возьми, если надо. Отдашь потом, когда найдешь деньги. Мы тут на неделю, может две. В прошлой деревне месяц простояли, долго к нам люди привыкали.

Она хохотнула. Я сглотнула. Это было именно то, что я искала. Информация, которой у меня не было.

Сначала несмело я начала расспрашивать ее про соседние селенья. Орчиха охотно говорила, и я почти расслабилась. Со мной уже давно никто нормально не разговаривал, ни то что дружелюбно, а хотя бы как-то. Я задавала ей вопросы про работу, про то, как дойти туда, какие там люди.

Ответы меня не сильно обрадовали.

– Сложно мне судить, – произнесла она, – даже если люди там хорошие, но орков нигде не любят, поэтому к нам отношение всегда… – она, видимо, хотела сказать «плохое» или что-то в этом духе, но глянув на меня, смягчила реплику: – неоднозначное.

Я кивнула. Она права. Оркам сложно оценить, где какие люди. Орки и люди держались на расстоянии друг от друга. Я и не думала, что кто-то вздумает наладить между нами хотя бы торговые отношения.

Я отошла от прилавка, чтобы не обременять компанией свою новую знакомую. Внутри теплело. Они были другими. Настороженными к людям, но они пытались быть открытыми.

Я обошла ещё несколько прилавков. Все обратили на меня внимание. Немудрено, ведь сейчас я была единственной из людей. Я прохаживалась, рассматривая товар. Может смогу сделать что-то подобное и предложить им? Может смогу заработать?

Но воодушевленные мысли сменялись печальными, если и смогу раздобыть золота, то что на него сделаю в нашей-то деревне? Разве меня кто-то пустит к себе хоть и за деньги? Так я сама не заметила, как дошла до повозки.

Взгляд скользнул по ней, но вдруг задержался на доске, закрепленной гвоздем. На ней было написано крупными корявыми буквами:

«ИЩУ ЖЕНУ. ДАМ КРЫШУ НАД ГОЛОВОЙ, ЕДУ И БЕЗОПАСНОСТЬ».

Я остановилась как вкопанная. Сердце пропустило удар.

Я перечитала раз, другой. Крыша над головой. Еда. Безопасность. Это было всё, о чём я мечтала последние недели. Это было больше, чем я смела надеяться.

Я подняла глаза на повозку. Неужели это правда? Такое возможно, что кто-то просто «ищет» жену?

Но ответа я не знала. Знала только, что передо мной единственная дверь, в которую я могу постучать. И я постучалась.

Глава 6. Разговор с орком

Я постучала. Тишина. Только где-то за спиной разговаривали орки, да болтали мужики. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его слышно на всю ярмарку. Никто не отвечал, а я больше не могла ждать. Боялась передумать и убежать.

Поэтому я резко потянула за дверь, та оказалась тяжелее, чем я ожидала, но все равно поддалась.

Я поднялась по лесенке и заглянула внутрь.

Повозка оказалась маленькой комнаткой. Всё было устроено удивительно компактно: кровать у стены, застеленная тёмно-синим одеялом. Рядом столик, на нем лампа и кружка. С противоположной стороны стоял массивный сундук, обитый железными полосами. Ничего лишнего. Всё скромное, но добротное.

А на кровати, поджав под себя ноги, сидел орк.

Тот самый. С жёлтыми глазами, которые смотрели на меня в тот вечер, когда караван только прибыл в деревню. Я его сразу узнала, поэтому растерялась еще сильнее.

Он был в простой льняной рубахе с широкими рукавами. В руках у него раскрытая книга. Тонкая, с потрёпанными страницами. Он читал. Орк читал книгу.

Я застыла. Язык прилип к нёбу. В голове ни одной полезной мысли. Не знаю, что меня больше поразило, что именно он искал жену или книга в его руках.

Орк тоже замер. Его жёлтые глаза расширились, совсем чуть-чуть, но я заметила. Он смотрел на меня так, будто я была привидением. Будто он сам не ожидал, что кто-то зайдет к нему.

И тут я поняла странную вещь: он испугался. Не меня, нет. Он испугался того, что кто-то пришёл. Словно он сам не верил, что его объявление сработает, и теперь растерялся.

Эта мысль придала мне сил.

– Я… – Мой голос сел. Я кашлянула и начала заново: – Я пришла из-за объявления. Это вы ищете жену?

Орк моргнул. Медленно, будто переваривая услышанное.

– Я ожидал, – сказал он наконец, и в его голосе проскользнуло удивление, – что придёт кто-то, кому нужна помощь.

– Мне нужна помощь, – выпалила я.

Слова вылетели раньше, чем я успела их обдумать. Но отступать было некуда.

Орк отложил книгу и выпрямил спину. Только тут я поняла, насколько он огромен. В повозке с низким потолком он казался великаном. Я невольно сделала шаг назад, упёрлась спиной в дверь.

– Но вы молодая, – сказал он, глядя на меня внимательно. – И красивая. И на вид здоровая.

Красивая? Я опустила глаза. На мне был старый застиранный плащ, протертая обувь, лицо, наверное, осунувшееся от недоедания. Какая уж тут красота?

Но когда я подняла взгляд, я заметила странное: его щёки под зеленоватой кожей слегка покраснели. Орк смутился. Орк, который мог раздавить меня одной рукой, смутился от собственных слов.

– Я… просто… – Я замялась, собиралась придумать какую-нибудь историю, чтобы не упасть в глазах этого незнакомого орка, но не смогла ему соврать. И в итоге я заставила себя говорить правду: – В деревне меня считают падшей. Я не могу найти работу. Никто не берёт меня даже за еду. А живу я, – голос дрогнул, но я решительно сжала кулаки, – я живу в сарае. Сарай отцовский. Меня выгнали из дома. Но зимой я там умру.

Орк молчал. Его жёлтые глаза не отрывались от моего лица.

– И ещё, – добавила я, почти шёпотом, потому что дальше тянуть было нельзя, – я жду ребёнка.

Орк медленно перевёл взгляд на мой живот. Я не носила плащ застёгнутым, было душно, и под тонкой рубахой уже угадывалось округление. Небольшое, но заметное, если знать, куда смотреть.

Он смотрел долго. Я не дышала.

В голове пронеслось: «Он сейчас скажет «нет». Выгонит. И я останусь одна. Потом придет зима, и мы с ребенком умрем».

Но он молчал. И чем дольше он молчал, тем отчётливее я понимала: я хочу остаться. Я хочу, чтобы он согласился. Не потому, что он орк. Не потому, что я его знаю или люблю. А потому, что эта тёплая, чистая, пахнущая деревом и травами повозка стала для меня единственным маяком в темноте.

Я больше не выдержу. Не выдержу камней от детей, плевков от мужиков, презрения от баб. Не выдержу сарая и мысли, что зимой мой ребёнок замёрзнет.

«Пожалуйста, – хотелось мне закричать. – Пожалуйста, не прогоняйте меня».

Но я молчала.

Орк поднял глаза. В них не было жалости. Не было брезгливости. Только какая-то тяжёлая, спокойная решимость.

– Хорошо, – сказал он. – Но есть условия.

И сердце моё замерло уже в третий раз за этот день. Я как-то об этом не подумала, надежда ослепила меня. Но ведь так логично, что жена ему нужна была не просто так. Что он собирался предложить? Смогу ли я это вынести? И будет ли это хуже того, что есть сейчас?

Глава 7. Условия

– Нам нужны люди для торговли, – сказал он.

– Вы торгуете людьми? – опешила я.

Он замотал руками:

– Нет, нет. В смысле для торговли с людьми.

Он так поспешно это добавил и мило растерялся, что я не успела представить себе худшие варианты, что могли бы меня ждать, если бы я оказалась права в своем предположении. Он стал подниматься, и я невольно сделала шаг назад, чтобы освободить ему пространство.

На его лице промелькнула паника, он вновь замотал руками:

– Я ничего не сделаю вам плохого, не бойтесь.

– Я не боюсь, – выпалила я чистую правду.

Удивительно, но, казалось, что это он меня боялся, хотя из нас двоих он – орк. Его брови полетели вверх. Он, наконец, спустился с кровати, и я оказалась права: ему было тесно. Он стоял, пригибая голову, занимая почти все пространство, что оставалось между кроватью и сундуком.

Он слабо кивнул на выход, и я юркнула на улицу. Сразу стало легче дышать. Ему, видимо, тоже. Потому как только он сошел со ступенек на землю, то выпрямился в полный рост. Я не могла отвести взгляд. Высокий, сильный, точно будет хорошей защитой для моего ребенка, если я с ним договорюсь.

– Так и какие условия? – поспешила я вернуть разговор в нужное русло.

– Да, – кивнул он, – точно, условия. – И перевел взгляд с меня на ярмарку. – Как вы могли заметить, народу у нас тут немного.

Я посмотрела на скучающих торговцев за прилавками.

– Вас боятся, – согласилась я.

– Так и есть, – ответил он серьезно, – люди привыкли, что орки грабят, а не ведут мирную жизнь. Но здесь собрались те, кому это надоело. Мы хотим заниматься торговлей, но пока у нас это не очень получается.

Я не понимала, как это связано с его поисками жены. Он, очевидно, считал мое недоумение и пояснил:

– Если с нами будут жить люди, то они могли бы договариваться с другими людьми и зазывать сородичей на наши ярмарки, так постепенно мы бы наладили нормальные отношения между нашими видами. Проще всего, если это будет кто-то беззащитный. Например, женщина. Но я не собираюсь портить ни чью честь, поэтому ищу именно жену. Чтобы она могла путешествовать с нашим караваном и чувствовать себя защищенной и не опозоренной. Я предлагаю вам «фиктивные отношения». Вы мне помощь с торговлей, я вам свое плечо, если оно вас устроит.

– А-а-а, – протянула я. Это меняло дело. Так было даже лучше. Я-то думала, что этому орку нужны тепло и любовь, а ему нужен тот, кто умел разговаривать. – Я согласна!

Восторженный крик получился слишком громким. На нас уставились все орки. Мой потенциальный муж все же был стеснительным. Его щеки вновь порозовели. Но голос его был спокойным:

– Может, хоть денек подумаете?

Я замотала головой, вцепилась в его рукав:

– Вы будете защищать моего ребенка и кормить?

Он кивнул.

– Тогда я согласна, – выпалила я вновь и тоже покраснела, потому что уже понимала, что за нами все наблюдали.

Для тех, кто заключил простую сделку, мы наверное были чересчур довольными. Я пожала ему руку и поинтересовалась:

– Когда я могу переехать к вам?

Он улыбнулся, не двигая рукой, которую я пыталась трясти в рукопожатии:

– Когда захотите. Меня Грон зовут. А вас?

– Нина. – Я пыталась сдерживать сумасшедшую улыбку, но та то и дело прорывалась. У моего ребенка будет еда, крыша над головой и орк-охранник. Я боялась довериться своему счастью, но не могла, глядя на Грона, подумать о нем плохо. На вид он был добрый, несмотря на габариты, клыки, зеленую кожу и мышцы.

Я вспомнила, как доверилась Дарьяну, и хорошее настроение, как ветром сдуло. Все же стоило быть осмотрительнее. Не могло быть все так хорошо. И стоило подумать, Грон прав. Но выбор был между ночевкой в теплой повозке и сараем, между известной опасностью и неизвестной.

И я сделала свой выбор.

Осталось сказать о нем остальным.

– Приятно познакомиться, Нина, – сказал он, широко улыбаясь.

___

Как вам орк?

Глава 8. Важный разговор

Ночь я провела в сарае. Вчера не решилась поговорить с родителями.

А теперь уже и не знала, решусь ли сегодня. Я лежала на сене, уставившись в потолок. Не сомкнула глаз всю ночь. Мысли напряженно крутились: Грон, его условия, фиктивный брак, повозка, еда, безопасность. И тут же: Дарьян, его предательство, моя глупость, доверие, которое он растоптал.

«А вдруг Грон такой же? Вдруг он использует меня, а потом выбросит? Но что я тогда теряю, ведь я уже на дне? Но вдруг орки ещё хуже людей? Вдруг я просто не могу представить те проблемы, с которыми он заставит меня столкнуться? От Дарьяна я тоже не ожидала плохого».

Я переворачивалась с боку на бок, сено шуршало, мыши скреблись в углу. В щели сарая проникал лунный свет.

– Нельзя доверять, – прошептала я в темноту. – Нельзя. Ты уже ошиблась один раз.

Но другая часть меня, та, что отвечала за выживание, твердила: «А у тебя есть выбор? Сарай? Зима? Голодная смерть с младенцем на руках?»

Я зажмурилась и погладила живот. Сама не помню, когда впервые начала разговаривать с ребенком:

– Знаю, малыш. Знаю. Мама что-нибудь придумает.

На смену беспокойной ночи пришло серое утро. И тут я услышала голоса.

– …орки эти, – голос отца, приглушённый, но злой. – Староста говорит, не уйдут, пока ярмарку не закончат. А кто к ним ходит? Кто позорит деревню?

– Тише ты, – попросила мать. – Разбудишь же всех соседей.

– А мне плевать! – Отец сплюнул. – Всё через одну пошло. Сначала дочь опозорила, теперь эти зеленые рожи. Наверное, Нина своим поступком беду на деревню накликала. Была бы тихой, скромной, глядишь, и орки бы не пришли.

Я замерла. От обиды в груди защипало, к горлу подкатил комок.

– Не говори так, – мать вздохнула, – она и так наказана.

– Мало! – отрезал отец. – Пусть теперь знает, как отца позорить. И эти орки тоже её забота. Уже и туда навострилась, шлюха.

– Да как ты можешь о собственной дочери так говорить? – возмутилась мать. – Не пошла бы она туда.

– Ходила уже, – сказал отец, – видели ее.

Я зажала рот рукой, чтобы не всхлипнуть. Слёзы текли по щекам, я вытирала их рукавом, но они не кончались. Отец называл меня шлюхой. И винил в том, что орки пришли. Будто я могла наколдовать караван. Еще и мой поход на ярмарку сочли за очередное моральное падение.

Даже если так! А что мне оставалось, когда все от меня отвернулись?!

– Ладно, пойду, – буркнул отец. – Не болтай сама-то. И так все судачат.

Шаги удалились. Мать постояла ещё немного и тоже ушла.

Я вылезла из сарая только к обеду. Живот урчал от голода. Мать ничего не принесла с утра. Казалось, что она каждый день меня помаленьку забывает.

«Лучше уйду в лес, – подумала я. – Там хоть ягоды есть. И никто не плюнет в спину».

Я накинула плащ и побрела к опушке. Солнце стояло высоко, но в лесу было прохладно, пахло свежестью. Я углубилась в чащу, туда, где росли кусты черники и брусники.

Ягод было немного, но я собирала их сразу в рот. Кислые, терпкие, они хоть немного утоляли голод.

Я уже хотела повернуть назад, когда услышала треск веток. Кто-то шёл прямо на меня. Тяжёлый, нетвёрдый шаг.

– О, гляди-ка! – знакомый голос, пьяный и наглый. – Наша блудница ягодки собирает!

Дарьян вышел из-за кустов. Помятый, в расстёгнутой рубахе, от него разило перегаром за три шага. Глаза красные, волосы растрёпаны.

– Чего уставилась? – Он осклабился. – Не ждала?

– Мне не о чем с тобой говорить, – сказала я тихо.

– Ой, как заговорила! – Он засмеялся и шагнул ближе. – А помнишь, как в бане ты стонала? Тогда так гордо ты не разговаривала.

Я попятилась:

– Ты пьян. Уйди, пока я не позвала на помощь.

– Кого? – Он развёл руками. – Деревенские тебя шлюхой считают. Никто за тебя не вступится.

У меня сжались кулаки.

– Не твоё дело.

– А чьё же? – Дарьян шагнул ещё ближе, и я упёрлась спиной в дерево. – Может, хочешь развлечься? Репутации у тебя все равно нет, а так, может, тебе весело хоть будет?

– Нет, – отрезала я.

Дарьян нахмурился, его губа обиженно оттопырилась, как у маленького ребенка:

– Я что, тебе не нравлюсь больше? Ты же ждать обещала!

– Я и ждала, только вот не знала, что ты за человек, – выпалила я почти в истерике.

Он меня пугал. Он собирался вновь сотворить непоправимое. Но в этот раз против моей воли. Он захохотал злобно:

– Ты должна быть мне благодарна. Да кто тебя такую с пузом ещё возьмёт-то?

Я зажмурилась, готовясь к худшему. Но вместо этого услышала низкий, рокочущий голос. Спокойный, но от него мороз пробежал по коже:

– Я.

Я открыла глаза.

Из-за сосны вышел Грон. Огромный, плечистый, в простой рубахе, он казался скалой. Жёлтые глаза смотрели на Дарьяна холодно и тяжело.

Дарьян поперхнулся смехом и попятился. Его лицо вытянулось, пьяная наглость мгновенно улетучилась.

– Ты кто такой? – выдавил он.

– Я тот, кто возьмёт её, – сказал Грон. – С пузом. Без пуза. С ребёнком. Не твоё дело. А теперь уходи. Пока я не передумал.

Он не повышал голоса. Он говорил тихо. Но от этого голоса у Дарьяна задрожали коленки. Он попятился, споткнулся о корень, упал, вскочил и бросился прочь, ломая кусты.

Я стояла, прижавшись к дереву, и смотрела на Грона. Он перевёл взгляд на меня, и его лицо смягчилось.

– Не тронул?

– Не успел, – прошептала я.

Грон кивнул. Мне уже не было страшно, но стало стыдно, что вчера я обещала и не пришла.

– А что ты в лесу делаешь? – только и смогла произнести я.

– Хотел с тобой поговорить, – замялся он, – потом увидел, как ты в лес пошла, а потом еще одни шаги услышал. Ты вчера говорила, что в деревне у тебя репутация не очень, поэтому я не хотел, чтобы нас кто-то видел вдвоем в уединении. Я решил подождать, пока тот, кто шел за мной, пройдет мимо, а оказалось это за тобой шли. Дальше ты знаешь.

Я кивнула. Мне повезло, что Грон оказался рядом. Если бы не он, я даже боюсь представить, чтобы Дарьян успел натворить. Тем виноватее я чувствовала себя перед Гроном.

– Я не передумала, – сказала я ему. Его брови удивленно приподнялись. Я пояснила: – Просто испугалась.

– Понимаю, я – орк…

– Нет, – перебила я. – Не тебя. Своих родителей.

Желтые глаза удивленно округлились. Я оторвала спину от дерева и вдохнула полной грудью:

– Они не одобрят.

– Они уже не одобряют, судя по тому, что я слышал.

Мы переглянулись, но тут же отвели взгляды.

– Но их нужно предупредить, иначе они подумают, что меня украли орки, – озвучила я свои опасения.

– Мы могли бы сыграть нормальную свадьбу.

Я уставилась на него. Он спешно добавил:

– Ну чтобы никто ничего плохого не подумал. Пусть знают, что ты уезжаешь с мужем. Я же говорил, что поэтому и искал жену. Чтобы о женщине этой никто плохого не думал.

– Почему тебя интересует судьба какой-то неизвестной женщины? – прохрипела я. Меня накрывало обидой на остальных. Никто не пытался помочь, кроме незнакомого мне орка.

– Мы ведь будем путешествовать вместе, не хочу, чтобы мои домашние плакали, – просто ответил он.

И я пустила слезу от умиления. Его слова были такими человечными. Из леса мы вышли не скоро, потому что ему пришлось меня успокаивать. Но мы уже не скрывались, потому что я не сомневалась: Дарьян уже разболтал на всю деревню о том, кто заступился за меня.

___

Будет ли это событие иметь последствия?

Глава 9. Прощание

Мы вышли из леса, когда солнце уже клонилось к закату. Грон шёл рядом, заслоняя меня от ветра.

Нас встретила пустая улица да запертые калитки.

– Я пойду с тобой, –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.